

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.14

Л. К. Капустина

Субъекты оценки доказательств

В статье рассматривается круг субъектов оценки допустимости доказательств по уголовным делам, исследуются недостатки действующего законодательства, регламентирующего их деятельность. На основании проведенного анализа теоретических положений, а также уголовно-процессуального законодательства сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования института субъектов оценки доказательств по уголовным делам.

The circle of subjects of assessment of admissibility of criminal evidence and weaknesses of existing law governing them activities is considered in the article. The author suggests improving the legal regulation of the institution of subjects of assessment criminal evidence. The decision is based on the analysis of criminal procedure law.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; оценка доказательств по уголовным делам; допустимость доказательств; субъекты оценки допустимости доказательств; классификация субъектов оценки доказательств; доказательства; доказывание.

Key words: criminal procedure; assessment of criminal evidence; admissibility of evidence; subjects of assessment of admissibility of evidence; classification of subjects of assessment of admissibility of evidence; evidence; proving.

Ежедневно уполномоченные органы, осуществляющие уголовное судопроизводство по уголовным делам, сталкиваются с оценкой доказательств, выступающей в роли неотъемлемой части доказывания, которое, к слову, в соответствии со ст. 85 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) состоит из собирания, проверки и оценки доказательств и осуществляется в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, которые предусмотрены ст. 73 УПК РФ» [10].

Очевидным видится сложность оценки доказательств как одной из составляющих процесса доказывания, обусловленной слиянием юридиче-

ских знаний с вопросами мировоззрения, познания, логики, психологии в процессе ее осуществления. При этом от надлежащей оценки доказательств, как справедливо отмечает О.А. Безгласная, зависит законность и обоснованность принимаемых уполномоченными субъектами процессуальных решений [2, с. 128]. В связи с этим на субъектов оценки доказательств возлагается огромная ответственность, поскольку им важно не поддаваться «...чувственным восприятиям, не проверенных умственным процессом, образующих лишь впечатление, а необходимо осуществлять умственную деятельность, разрешающуюся достижением сомнений или убеждений относительно доказательств» [11, с. 191].

Кого же следует относить к субъектам оценки доказательств? Этот вопрос, пожалуй, является одним из дискуссионных на сегодняшний день, поскольку, как справедливо отмечает А.В. Гарусов, «...не нашел однозначного ответа» [3, с. 60]. В поисках ответа и попытках разобраться в данном вопросе первоочередно следует обратиться к действующему уголовно-процессуальному законодательству.

Статьей 17 УПК РФ определен круг субъектов, уполномоченных осуществлять оценку доказательств, к числу которых законодатель относит судью, присяжных заседателей, прокурора, следователя и дознавателя. Однако это не единственная норма, в которой говорится о субъектах оценки доказательств, поскольку ст. 88 УПК РФ, так же рассматривает данный вопрос.

Справедливости ради, стоит отметить, что ст. 88 УПК РФ хотя и называется «Правила оценки доказательств», однако в большей степени ею регламентируется вопрос, связанный с допустимостью доказательств, как одной из составляющих оценки доказательств. В связи с этим и перечень субъектов, представленный в статье, рассматривается в контексте одной составляющей оценки доказательств – допустимости. Подобное изложение ст. 88 УПК РФ вызывает ряд вопросов, которые связаны с тем, что круг субъектов, представленный в ст. 88 УПК РФ, несколько меньше, чем в ст. 17 УПК РФ. Далее попытаемся разобраться, в чем же причина подобной ситуации.

Исходя из действующего законодательства, оценка доказательств подпадает под действие некоторых правил-условий, которыми должны руководствоваться субъекты оценки доказательств. Данные правила-условия условно можно разделить на две группы. Первая группа правил-условий представлена в ст. 17 УПК РФ и включает в себя осуществление оценки доказательств по внутреннему убеждению; основу внутреннего убеждения – совокупность имеющихся в уголовном деле доказательств; руководство

законом и совестью при оценке доказательств. Вторая группа правил-условий закреплена в ст. 88 УПК РФ, которая дает представления об относимости, допустимости, достоверности и достаточности, выступающих в роли неотъемлемых составляющих оценки доказательств.

Учитывая, что законодатель закрепляет обе вышеупомянутые группы правил-условий, логично предположить, что они и должны сосуществовать совместно при осуществлении оценки доказательств. Однако, исходя из существующих формулировок уголовно-процессуального закона, в некоторых случаях этого не происходит.

Следует отметить, что круг субъектов, указанный в ч. 2 ст. 88 УПК РФ, призван оценивать доказательства с позиции допустимости. Однако в этот круг субъектов не включены присяжные заседатели, а это означает, что ими оценка доказательств осуществляется без элемента допустимости. Это обусловлено спецификой полномочий присяжных заседателей. Напомним, что вопросы о недопустимости доказательств разрешаются судьей в отсутствие присяжных заседателей, более того, иные участники судебного разбирательства не имеют права сообщать информацию присяжным заседателям о существовании недопустимых доказательств [10]. Таким образом, нормы действующего законодательства ограждают присяжных заседателей от влияния недопустимых доказательств на их внутреннее убеждение.

В связи с этим возникает ряд вопросов. Можно ли относить присяжных заседателей к числу субъектов оценки доказательств? Каков же круг субъектов оценки доказательств?

В последнее время в науке все чаще встречается позиция, которая предполагает закрепление исключительного права судьи о признании доказательств недопустимыми. Так, по мнению В.В. Терехина, «субъектом права на установление допустимости доказательств должен быть только суд» [9, с. 190]. А.С. Александров в предложенной им доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права делает акцент на том, что «...оценка доказательств прокурором, следователем в ходе досудебного уголовного производства не имеет обязательного значения для судьи; каждое доказательство подлежит оценке судом с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности и убедительности для разрешения уголовного дела или ответа на вопрос, поставленный стороной в ходе уголовного производства...» [5].

Вышеуказанная позиция имеет здравый смысл по ряду обстоятельств. Во-первых, на данный момент в условиях практического применения

действующего законодательства довольно часто суд выступает в роли «полноправного» и единственного субъекта оценки доказательств в части, касающейся решения вопросов о допустимости доказательств, поскольку в практической деятельности на досудебных стадиях решение о признании доказательств недопустимыми следователями или же дознавателями принимается крайне редко. В связи с этим разрешение данного вопроса «переносится» в судебную стадию, где уже суд рассматривает и принимает решение. Отчасти такая ситуация вызвана тем, что и следователь, и дознаватель в процессе доказывания самостоятельно осуществляют сбор доказательств, большинство из которых носят обвинительный характер и подтверждают вину подозреваемого или обвиняемого. Это накладывает определенный отпечаток на внутреннее убеждение данных субъектов, в связи с чем при поступлении от подозреваемого, обвиняемого, их защитников ходатайств о признании доказательств недопустимыми, складывается негативная ситуация, при которой указанные уполномоченные лица могут рассматривать данные действия в качестве приемов защиты подозреваемого или обвиняемого, заключающихся в попытках затянуть сроки предварительного расследования, что приводит к частичному или полному отказу в удовлетворении ходатайства. Учитывая возможность появления подобных ситуаций, ярко иллюстрирующих непрофессионализм отдельных лиц, ведущих предварительное расследование, сторона защиты зачастую прибегает к пути наименьшего сопротивления, заявляя ходатайства о признании того или иного доказательства недопустимым уже в судебной стадии.

Во-вторых, как справедливо отмечает В.С. Балакшин, «регламентация процедуры признания доказательств недопустимыми на стадии предварительного расследования практически отсутствует, в отличие от судебной стадии» [1, с. 128]. В случае заявления ходатайства подозреваемым и обвиняемым на досудебной стадии, подобные ходатайства рассматриваются в порядке, предусмотренном гл. 15 УПК РФ. При этом признание доказательства недопустимым по собственной инициативе следователя или дознавателя в действующем законодательстве регламентировано недостаточно, так же как и процедура признания доказательств недопустимыми, осуществляемая прокурором.

В-третьих, согласимся с С.В. Шевченко, которая делает акцент на том, что именно «...деятельность судьи, в большей степени связана с оценкой представленных сторонами доказательств по уголовному делу. Эта оценка дает возможность сделать главный вывод о доказанности или недо-

казанности фактов, относящихся к устанавливаемым по делу обстоятельствам» [12, с. 216].

Действительно суд в наибольшей степени осуществляет оценку всех собранных по уголовному делу доказательств. Однако, как справедливо отмечает М.В. Маслова, несмотря на то что «...оценку доказательств в уголовном судопроизводстве может осуществлять любой его участник, включая сторону защиты, юридическое значение для разрешения конкретного уголовного дела, а главное, для определения дальнейшей судьбы подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, имеет оценка доказательств, осуществляемая либо судьей единолично, либо коллегией судей, а также стороной обвинения в лице прокурора, следователя и дознавателя» [7, с. 93].

Не считает суд единоличным субъектом оценки доказательств и А.В. Гарусов, относя к субъектам «...не только судью, присяжных заседателей, прокурора, следователя, дознавателя, как предусмотрено ч. 1 ст. 17 и ч. 2 ст. 88 УПК РФ, но и руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, защитника, подозреваемого, обвиняемого, законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и его представителя, представителей потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя» [3, с. 61].

Т.Ю. Денисов и А.А. Шамардин также выделяют несколько субъектов оценки доказательств, при этом предлагая свою собственную классификацию. Так, авторы выделяют три группы субъектов: «субъектов оценки доказательств со стороны обвинения, к числу которых относятся прокурор, следователь, начальник следственного отдела, дознаватель, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, а также их представители и законные представители; субъектов уголовно-процессуального доказывания со стороны защиты, к которым относятся: подозреваемый, обвиняемый, их защитники и (или) законные представители, гражданский ответчик, его представитель; суд как орган, осуществляющий правосудие и разрешающий уголовное дело по существу» [4, с. 244].

Безусловно, потерпевший, защитник, подозреваемый, обвиняемый, законные представители несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и его представители, представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя способны осуществлять оценку доказательств. Более того, все указанные лица способны оказывать влияние на принятие процессуальных

решений в результате осуществленной оценки доказательств, как, например, путем заявлений ходатайств. Однако заявленные вышеуказанными лицами ходатайства о признании доказательства недопустимым не являются обязательным для суда, прокурора, следователя и дознавателя, о чем свидетельствуют ч. 3 и ч. 4 ст. 88 УПК РФ, которая гласит, что: «...прокурор, следователь, дознаватель вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству подозреваемого, обвиняемого...; суд вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству сторон...» [10]. Подобная формулировка означает, что у указанных должностных лиц есть право, и они могут принимать процессуальное решение, но это не означает, что они обязаны это делать. В случае же с присяжными заседателями суд обязан выносить процессуальное решение на основании вердикта коллегии присяжных заседателей. В связи с этим защитника, подозреваемого, обвиняемого, законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и его представителя, представителей потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя в теории уголовного процесса следует относить к числу субъектов оценки доказательств, могущих повлиять на принятие процессуального решения. Однако включать данную категорию субъектов в статьи УПК РФ, регламентирующие вопросы оценки доказательств, представляется излишним, что нельзя сказать о других субъектах оценки, уполномоченных принимать процессуальные решения.

Так, вариантом выхода из сложившейся ситуации могла бы стать оговорка об оценке доказательств субъектами в пределах своих полномочий, закрепленная в нормах закона. В этом случае ч. 1 ст. 17 УПК РФ после перечисления субъектов могла бы быть дополнена фразой: «...оценивают доказательства в пределах своих полномочий»; а ч. 1 ст. 88 УПК РФ могла бы быть дополнена указанием субъектов, уполномоченных осуществлять оценку доказательств, а также пределов их полномочий.

При этом следует отметить, что отчасти специфика оценки доказательств с учетом имеющихся у субъектов полномочий уже озвучена в ст. 88, 234, 235 УПК РФ, которые предусматривают различные процедуры признания доказательств недопустимыми судом, с одной стороны, и прокурором, следователем, дознавателем, с другой стороны. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 88 УПК РФ «прокурор, следователь, дознаватель вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или по собственной инициативе» [10]. В ч. 4 ст. 88 УПК РФ говорится о том, что «суд вправе признать доказательство недопустимым

по ходатайству сторон или по собственной инициативе» [10]. Подробная процедура признания судом доказательств недопустимыми представлена в ст. 234, 235 УПК РФ.

При рассмотрении вопроса, связанного с субъектами оценки доказательства, нельзя обойти стороной еще одну проблему, образовавшуюся в результате существующих формулировок ч. 2 и ч. 3 ст. 88 УПК РФ. Так, к числу субъектов, уполномоченных признать доказательство недопустимым, в соответствии с действующим законодательством относятся: суд, прокурор, следователь, дознаватель. Разделяя мнение ряда авторов [6, с. 155; 8, с. 4], полагаем, что подобная формулировка не совсем точна, поскольку на стадии предварительного расследования руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания уполномочены осуществлять производство по уголовным делам, когда обладают полномочиями следователя или дознавателя, в связи с чем, так же, как и следователь и дознаватель, вправе оценивать доказательства с позиции допустимости, а значит, подлежат включению в ч.2 и ч.3 ст. 88 УПК РФ в качестве субъектов. Кроме того, в соответствии необходимо привести и ст. 17 УПК РФ, включив в нее указанных участников.

Вариантом включения в перечень субъектов в ч.2 и ч.3 ст.88, ст.17 УПК РФ может стать формулировка, лишенная нагромождения в связи с перечислением каждого участника оценки доказательств. В связи с этим вышеуказанные статьи целесообразно дополнить фразой «... а также лица, обладающие полномочиями следователя или дознавателя» после слов «следователь, дознаватель».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что как минимум две статьи УПК РФ нуждаются в изменениях с целью устранения имеющихся недостатков в вопросах, касающихся субъектов оценки доказательств; а сам институт оценки доказательств нуждается в пристальном внимании по причине давно назревшей необходимости перемен.

Список литературы

1. Балакшин В.С. Признание доказательств недопустимыми и исключение их из процесса доказывания на стадии предварительного расследования // Проблемы права. – 2015. – № 2 (50). – С. 128–132.
2. Безгласная О.А. Некоторые актуальные проблемы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы рос. права. – 2015. – № 1 (50). – С. 128–132.

3. Гарусов А.В. О некоторых проблемах оценки показаний лиц, заинтересованных в исходе уголовного дела // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2016. – № 2 (70). – С. 60–64.
4. Денисова Т.Ю., Шамардин А.А. Некоторые теоретические проблемы определения перечня и классификации субъектов доказывания по новому уголовно-процессуальному законодательству РФ. Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г.: в 2 ч. Екатеринбург, 2005. – Ч. 1. – С. 244–249.
5. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации [Электронный ресурс] // Междунар. Ассоциация содействия правосудию. – URL: <http://www.iauaj.net/node/1766> (дата обращения: 28.10.2018).
6. Костенко Р.В. Исключение доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ, в ходе досудебного производства по уголовным делам // Ово и право. – 2016. – № 3 (57). – С. 113–117.
7. Маслова М.В. Некоторые вопросы оценки судом доказательств в уголовном процессе по внутреннему убеждению // Совр. право. – 2015. – № 3. – С. 93–96.
8. Рудин А.В. Проверка допустимости доказательств в ходе предварительного расследования // Гуманитар., социально-экон. и обществ. науки. – 2017. – № 6–7. – С. 1–10.
9. Терехин В.В. Стандарты допустимости доказательств в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2016. – № 1 (33). – С. 188–193.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
11. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1910. – 560 с.
12. Шевченко С.В. Принцип оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Теория и практика обществ. развития. – 2011. – № 2. – С. 215–218.